

11 АПР. 41 8

Народность Лермонтова

«...И уже не далеко то время, когда имя его в литературе сделается народным именем, и гармонические звуки его поэзии будут слышны в повседневном разговоре толпы, между толками ее о житейских заботах...»

Белинский.

2 мая 1837 г. в журнале «Современник» появилось стихотворение «Бородино». Это было первое произведение Лермонтова, появившееся в печать по воле автора. Тема стихотворения — национальная освободительная война 1812 года, война, потребовавшая колоссального напряжения от русского народа для борьбы с иноземными захватчиками, война, игравшая большую роль в пробуждении национального самосознания русского народа.

Старый солдат-служака, вспоминая это событие, участником которого он был сам, бросает упрек молодому поколению:

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!

«Эта мысль — жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел», — говорил Белинский, характеризуя основную идею «Бородино».

Тревогой за свое поколение, за свою родину — вот как дебютирует в печати Лермонтов.

А несколько раньше печально он выступил со стихотворением «На смерть поэта», где дал волю своим чувствам истинно русского патриотизма, выразил возмущение и негодование против «завистливого и душного света», повинного в убийстве любимого поэта, и чувство нескрываемого преклонения и любви к затравленному гению. Так был высказан взгляд трудовой, прогрессивной мыслящей части общества. Вот почему один из современников поэта — Стасов (музыкальный критик), вспоминая о том, как было встречено это стихотворение передовой частью общества, говорит: «Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление».

Это был крик общины, горечи, жалды мщения за поруганное, дорогое, близкое народу. Была высказана затаенная мысль всего народа — любовь к Пушкину.

Гоголь, определяя понятие народности поэта, говорит: «Поэт может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами».

С этих позиций и нужно подходить к определению характера творчества Лермонтова. В дореволюционной же критике мы нередко встречали характеристику его поэзии, как выражение индивидуализма, субъективизма, пессимизма. Тем самым снижалась познавательная ценность поэзии Лермонтова.

Говорили о пессимизме Лермонтова. Пессимизм — пессимизму рознь! Есть упадочнический пессимизм, а есть — действительный — у Лермонтова последний. Нытье, бессилие, слабости, желаний уйти от жизни нет в поэзии Лермонтова. Он еще в детстве писал:

«Мне нужно действовать.

И каждый день

Бессмертным сделать бы желал, как
тень

Великого героя, и понять

И не могу, что значит отдыхать».

Жажда деятельности и призыв к деятельности — вот основной мотив всего его творчества. В зрелом возрасте, как бы выражая свое поэтическое «яре», Лермонтов говорит о назначении поэта:

«Бывало, мерный звук твоих могучих
слов

Воспламенял бойца для битвы...

...Звучал, как колокол на башне
вечевой

Во дни торжеств и бед народных».

Обращаясь же к молодому поколению своего времени, которому суждено «в бездействии состариться», поэт скорбит за «малодушные» и раболепство этого поколения. Отсюда — и пессимизм его.

«Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем без шума
и следа,

Не бросивши векам ни мысли
плодовитой,

Ни гением начатого труда».

А среди этого молодого поколения были и такие, как Печорин, натура педантичная, наделенная «силою необъятной» и влачащая жалкое существование.

«А верно мне было назначение высокое», — размышляет Печорин. Судьба таких людей не безразлична Лермонтову, ибо они многие могли бы сделать для родины, которую поэт любил.

Любовь к родине движет рукою Лермонтова, когда он пишет стихотворение «Жалобы турка», где «остнет человек от рабства и цепей!» и где «являются порой умы и хладные и твердые, как камень. Но мощь их давится безвременной тоской».

И если здесь высказана несколько абстрактная мысль об угнетении вообще, то в драме «Станный человек» поэт говорит об абсолютной несправедливости крепостного человека, которому некуда даже жаловаться на тяжесть своего существования.

Судьбы отечества постоянно интересуют поэта. Вот почему в незаконченной повести «Вадим» он поднимает проблему оценки Пугачевского восстания и здесь уже «русский бунт» не «бессмысленный и беспощадный» (Пушкин), а явление закономерное, результат возмущения крестьянства жестокостью помещиков-помещиков.

В эти же годы Лермонтов приветствует революцию во Франции:

«Опять вы, гордые, восстали

За независимость страны,

И снова перед вами пали

Самодержавия сыны»

и упрекает французского короля Карла X:

«Ты мог быть лучшим королем.

Ты не хотел. — Ты полагал

Народ унижить под ярмом,

Но ты француз не узнал!
Есть суд земной и для царей,
Провозгласил он твой конец;
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец».

Мысль о французской революции берется не отвлеченно, а в контексте с мыслями об отечественной свободе.

«Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем? Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!» —

обращается Лермонтов к декабристам.

В поэме «Последний сын вольности» поэт с ненавистью обрушивается на самодержавие, прославляя легендарную фигуру Вадима Новгородского — первого революционера, борца за свободу и национальную независимость.

Сильные, деятельные натуры привлекают внимание поэта и, не видя таковых в окружающей жизни, он обращается к истории. В стиле лучших традиций устного поэтического народного творчества уже в зрелые годы поэт создает «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» — по определению Белинского «создание мужественное, зрелое и столько же художественное, сколько и народное».

Поэт, уловив ритм эпохи времен Ивана Грозного, передает читателю буйную страсть и боль безответной любви опричника Кирибеевича, стойкость, мужественность и желание защитить любой ценой поруганную честь купца Степана Калашникова, суровость, но справедливость царя Ивана Грозного (каким он всегда и бывает в народных песнях).

Лермонтов высоко ценил устное народное творчество: «Как жалко, что у меня была мамушкин немка, а не русская, — я не слышал сказок народных: в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности».

Не случайно, мысля о будущем России, Лермонтов отталкивается от народной сказки. Оказывается и сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21-м проснулся от тяжкого сна и встал и пошел... и встретил он

тридцать семь королей и семьдесят богатырей и побил их и сел над ними царствовать... Такова Россия».

Это вера в русский народ-богатырь, который проснется от долгого сна и, прогнав королей-царей, устроит лучшую жизнь. Что это так, тому свидетельствует наличие у поэта двойственного отношения к России:

«Прощай, немая Россия», —

— это оценка официальной, жандармской России с «голубыми мундирами», «всевидающими» и «всеслышащими» царями.

И рядом другая характеристика родины: «Люблю отчизну я, но странною любовью!»

Странною потому, что он не по-обычному (с точки зрения официальной «народности») любит родину, а любит:

«Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее подобные морям...
...Дрожащие огни печальных
деревень...

...С отрадой многим неизвестной
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков».

Вот что считает Лермонтов своей отчизной, и что и кого он любит. Добролюбов, идеолог революционной демократии 60-х годов, характеризуя творчество Лермонтова, говорил, что тот, обладая «громадным талантом и, умевши рано постигнуть недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит замечательное стихотворение «Родина», в котором он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно».

А. АБРАМОВ,
преподаватель литературы
Магнитогорского пединститута.